

УДК 902, ББК 63.3(2)41, DOI <https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2019.208>

Н. И. Платонова

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДА В СЕВЕРНОЙ РУСИ: ЗАМЕТКИ АРХЕОЛОГА*

БАЗОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ УРБАНИЗАЦИИ

В дискуссии о генезисе древнерусского города, продолжающейся полтора столетия, урбанизация обычно рассматривалась как общерусское явление, не имевшее особой специфики по регионам. Такой подход, в целом, оправдан, в силу надэтнического, «магистрального» характера ранней древнерусской культуры. Однако исследование подосновы древнерусской культуры в разных регионах позволяет поставить вопрос о соотношении общего и особенного в процессе формирования городов на лесном Севере и лесостепном Юге. Предметом специального рассмотрения в настоящей работе являются материалы Севера, в общерусском контексте.

Сам феномен урбанизации мы определяем (вслед за С. Рейнольдс и рядом других ученых) как формирование сети постоянных поселений, значительная часть населения которых занята в неаграрном секторе (ремесло, торговля, административная деятельность). Это население получает продукты питания из сельской местности и снабжает последнюю другими товарами, выполняя по отношению к ней служебные функции¹. Соответственно, оно представляет собой особую социальную общность, более или менее отличную от сельской.

В ряду базовых концепций урбанизации, сменявших друг друга в отечественной науке конца XIX–XX в., первое место занимает «торговая теория» В. О. Ключевского, согласно которой главным стимулом процесса становления городов на Руси являлось

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-40111 («Древности») «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения».

¹ См.: *Reynolds S.* Introduction to the History of English Medieval Towns. Oxford, 1977; *Clarke H., Ambrosiani B.* Towns in the Viking Age. Leicester and London, 1991. P. 3; *Носов Е. Н.* Города эпохи викингов // Археологические Вести, 1993. № 2. С.209–210.

развитие «внешней» торговли с Востоком². Сменила ее в 1930-х гг. парадигма племенного/феодального города, в рамках которой старые, еще XIX в., представления о древнерусских городах как племенных центрах славян оказались дополнены трактовкой Руси как *раннефеодального* сообщества, развивавшегося в едином ритме с Западной Европой³. Преобразование «племенного центра» в «феодальный город» стимулировалось, по этой логике, внутренним процессом развития производительных сил. Отмечалась тесная связь города с аграрной периферией. Роль торговли, напротив, не акцентировалась и не считалась ключевой.

В 1970-х гг. И. Я. Фрояновым была разработана концепция, согласно которой обретение племенными центрами городских функций произошло не в ходе становления феодального строя, а в контексте позднеродового общества, с элементами рабовладельческого уклада. Киевская Русь явилась, в такой трактовке, союзом «городов-государств», не имевшим ничего общего с феодализмом⁴. Указанные рассуждения строились на отрицании предыдущей концепции. Но именно в вопросе о *генезисе города* между ними существует немало общего (тождество племенного центра и города; «монистический» путь развития центров; их аграрный характер; незначительная роль ремесла и торговли, при доминировании функций управления). Как отмечалось Е. Н. Носовым, все разногласия между И. Я. Фрояновым и «традиционной концепцией» коренились «в различном понимании *времени* формирования феодального общества на Руси (курсив автора. — *Н. П.*)»⁵.

Таким образом, данная модель является вариацией концепции племенного центра, напрямую и безальтернативно «перерастающего» в город.

Другая гипотеза, введенная в науку в 1970-х гг., также не была полностью оригинальной, ибо знаменовала собой фактическое возвращение к «торговой парадигме». Однако преемственность между ней и теорией В. О. Ключевского была не прямой; сходные выводы оказались получены с опорой на новый комплекс источников. Основу концепции составила идея возникновения «протогородов» или ОТПП («открытых торгово-ремесленных поселений») на трансевропейских речных путях. Их функционирование рассматривалось как отдельная фаза процесса урбанизации⁶. Источниками послужили материалы раскопок раннегородских центров Восточной и Северной Европы, полученные на тот момент. К детальному рассмотрению этой модели мы еще вернемся ниже.

ПРОБЛЕМА «ИНФОРМАЦИОННОГО ВАКУУМА»

Целью настоящей работы является не очередной обзор разноречивых суждений, высказанных сторонниками каждой из описанных концепций. Разговор пойдет, в первую

² Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1904.

³ Основные варианты концепции см. в: Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956.

⁴ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980; 2) Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

⁵ Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (новые материалы и исследования). СПб., 2005. С. 14.

⁶ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнёздово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17.

очередь, об источниковой базе, об основе, на которую опирались их выводы. И здесь необходимо подчеркнуть нечто объединяющее упомянутые концепции, несмотря на все их противоречия, а именно — умозрительность.

Подобная констатация не является критической стрелой в адрес предшественников. Нет ничего проще, чем с высоты нашего времени уличать тех, кто работал раньше, в ошибках или предвзятости. Но при обзоре предшествующего опыта все же нельзя забывать, что, как минимум, до 1960-х гг. разработка проблемы «город – село» в раннем средневековье велась историками-русистами (включая таких гигантов, как В. О. Ключевский, Б. Д. Греков, С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров и др.) в условиях острой нехватки источников, дающих *прямую информацию* о реалиях эпохи⁷.

Информационный вакуум приводил к тому, что любые вопросы, касавшиеся типологии поселений, системы и динамики расселения, а также особенностей процесса урбанизации на территории Руси — заведомо повисали в воздухе. Письменные памятники давали очень ограниченную информацию, а археологическое изучение средневековых поселений долго находилось в зачаточном состоянии⁸. Реальной основы для суждений, что же представляли собой на практике упоминаемые в источниках «грады», «села», «погосты» и т. д., попросту не существовало. Ее подменяли расхожие мнения. Спрашивается: что могли предложить историки, кроме более или менее удачных схем?

Фундаментом «торговой теории» В. О. Ключевского стало предположение, что городам предшествовали укрепленные «одинокое двory» — городища, среди которых возникали «сборные торговые пункты... куда звероловы и бортники сходились для торговли, для гостыбы... Такие сборные пункты получили название погостов...»⁹ Понятно, что данный вывод не был основан ни на чем, кроме «здравого смысла» человека XIX в.

Напротив, ключевое положение исследователя о роли внешней торговли в процессе урбанизации не являлось чисто умозрительным. В основе лежал целый комплекс аутентичных известий восточных и византийских авторов IX–X вв., вкуче с данными ПВЛ, о «русских купцах», ходивших на судах по Волге, Днепру и далее — до Багдада и Константинополя. Рассуждения подкреплялись анализом «географического размещения» древнейших городов. Это последнее, по мысли Ключевского, показывало, «что они были созданием того торгового движения, которое с VIII в. пошло среди восточных Славян по речной линии Днепра—Волхова... к черноморским, азовским и каспийским рынкам... Города возникли, как сборные места русской торговли, пункты склада и отправления русского вывоза...»¹⁰

⁷ Конечно, имеется в виду именно эпоха раннего Средневековья — VIII–XI вв., а не период второй четверти – середины II тыс. н. э., от которого сохранились представительные комплексы писцовых и актовых материалов.

⁸ О полном непонимании познавательных возможностей исследования городских слоев в первой трети XX в. писал, в частности, Е. Н. Носов (*Носов Е. Н. Стратиграфия Земляного городища Старой Ладogi: итоги и перспективы исследований // Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования. СПб., 2018. С. 46*). Говорить о постепенном введении в науку археологических данных по малым городам и селищам Южной Руси можно примерно с 1950-х гг. В лесной зоне развитие археологии раннесредневековых поселений (за исключением нескольких крупных городов) запоздало еще больше — до 1970-х гг.

⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории. С. 148.

¹⁰ Ключевский В. О. Боярская Дума в Древней Руси. М., 1994. С. 21–22.

По Ключевскому, последующее ослабление Хазарского каганата и появление в степях «хищной орды» печенегов вынудили русские города вооружаться, чтобы обеспечить безопасность торговли. В них сформировалась новая элита («военно-купеческое управление»), куда, наряду с туземным элементом, органично влились пришельцы-варяги. Города «подчинили себе соплеменные окрестные населения, для которых они ранее служили торговыми средоточиями, и образовали из них политические союзы»¹¹

Отдельные слабые места в этих рассуждениях видны невооруженным глазом. Представления о раннем, с VIII в., начале движения по Днепровскому пути не соответствуют реалиям. Не вполне верна и оценка ситуации в Причерноморских степях на рубеже I–II тыс. н. э.¹² Но самое главное: говоря о «сборных пунктах русского вывоза», В. О. Ключевский совершенно не акцентировал внимание на том, что главной статьей дохода «русов» IX–X вв., наряду со сбытом пушнины и продуктов лесных промыслов, служила работоторговля. Между тем, стабильность в поставке живого товара на невольничьи рынки однозначно свидетельствовала об эскалации внеэкономического принуждения и насилия в регионе, откуда осуществлялся экспорт. На этом фоне предложенная модель широкой народной самодеятельности в области торговли и «промышленности» выглядит мало правдоподобной. По мнению А. Е. Преснякова, сам создатель «придавал своему построению значение не исторической, а логической схемы»¹³.

Сильной стороной парадигмы Ключевского было и остается то, что им интуитивно оказались «схвачены» важнейшие особенности периода IX–X вв. в истории Руси — формирование *новой элиты и роль международной торговли в ее возвышении* и обогащении. Но слабость его позиций в вопросе о подоснове становления города была хорошо видна ученым последующей генерации, стремившимся найти источник развития внутри самого древнерусского общества, а не вне его. Это последнее было закономерным поворотом научной мысли XX в. И все же по степени схематизма основных построений обе концепции мало отличались друг от друга. Обращаясь к древнейшему периоду Руси, историки-марксисты неизбежно попадали в ту же ловушку, что и последователи Ключевского.

Недостаток аутентичных источников последней четверти I тыс. н. э. волей-неволей заставлял ученых либо прибегать к рискованным ретроспекциям, либо строить заключения по аналогии. За их построениями ощутимо просматривались реалии поздних времен. Так, концепция Б. Д. Грекова, широкими мазками обрисовавшего картину *вотчинного хозяйства* в Начальной Руси, строилась на многолетних штудиях таких источников, как Писцовые книги Обонежской пятины, вотчинные архивы Софийского дома, боярина Б. И. Морозова и т. д.). *Эту систему и эти социумы Греков исследовал глубоко.*

¹¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. С. 160 и след.

¹² В настоящее время высказано предположение, что именно приход в южнорусские степи в конце IX в. «не имевших единой властной структуры печенегов» фактически нейтрализовал мощный мадьярский «заслон», который ранее не позволял Руси наладить регулярные связи с Империей на днепровском отрезке Пути из Варяг в Греки (см.: Шорохов В. А. Предпосылки развития восточноевропейской работоторговли в IX – первой половине X в. (по данным восточных источников) // Матвей Кузьмич Любавский: К 150-летию ученого. СПб., 2013. С. 202).

¹³ Пресняков А. Е. Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 308.

В дальнейшем он попросту спроецировал свое понимание социально-исторического процесса, основанное на материалах XV–XVII вв., на «темный» период VIII–IX вв.¹⁴

Таким образом, мы вновь возвращаемся к проблеме информационного вакуума. Предложенные исследователями схемы могли быть понятными, логичными, правдоподобными. Но проблема нехватки прямой информации не снимается до конца путем допущений.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПРОРЫВ: ПЕРВЫЕ СЛЕДСТВИЯ

Во второй половине XX в. положение с источниками стало меняться, хотя процесс накопления и осмысления новых данных шел достаточно медленно. В Северной Руси единственным типом древнерусских поселений, более-менее исследованных археологически, долго оставались крупные города (Ладога, Новгород, Псков). Это были редкие точки на карте, окруженные безбрежным морем сельской глубинки, известной лишь по погребальным памятникам. Интерпретация материалов раскопок осуществлялась советскими археологами 1940–1960-х гг. в рамках господствующей парадигмы аграрного племенного центра, перерастающего в феодальный город.

Ярким примером тому служит трактовка В. И. Равдоникасом нижних отложений Ладоги VII–IX вв.¹⁵ как остатков сельского поселения с «большими домами», которые, по его мнению, являлись жилищами славянских общин «патриархально-семейного типа»¹⁶. На рубеже IX–X вв. характер застройки и планировка поселения заметно меняются — появляется длинный ряд «малых домов» и хозяйственных построек. Указанные комплексы трактовались автором раскопок как небольшие «посадские дворы», характерные для «периода оформления феодальных отношений в Древней Руси»¹⁷. Именно в этот период (X в.), по мнению Равдоникаса, материалы Ладоги впервые начинают демонстрировать «отличия от деревни», заключавшиеся: «во-первых, в остатках ремесла, во-вторых, в скученности рядом стоящих построек, и в-третьих, в наличии следов торговой деятельности»¹⁸.

Археологические факты, описанные В. И. Равдоникасом, несли долгожданную (и бесценную!) *прямую информацию* о древнейшем городе Северной Руси. Картина раннесредневековой Ладоги, очерченная им, получилась неожиданно разносторонней и объективной. Важность «аграрной составляющей» в занятиях населения была источниками подтверждена. Но одновременно подтвердилась и значительная роль торговли,

¹⁴ См.: Носов Н. Е. Академик Борис Дмитриевич Греков — исследователь-источниковед // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XV. Л., 1983. С. 12.

¹⁵ В. И. Равдоникас датировал нижние горизонты Ладоги (E_{1,3}) VII–IX вв. В 1960-х гг. нижняя дата памятника была омоложена до VIII в., что затем получило подтверждение дендрохронологией. Однако в последние годы там были открыты остатки раннесредневекового горизонта обитания с находками, датируемыми в диапазоне V–VII вв. (Кирпичников А. Н., Курбатов А. В. Новые данные о происхождении Ладожского поселения и появлении славян в Поволхове // Stratum Plus. 2014. № 5. С. 129 и след.).

¹⁶ Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. II // Советская археология. 1950. Т. XII. С. 29–34.

¹⁷ Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. I // Советская археология. 1949. Т. XI. С. 39–40.

¹⁸ Равдоникас В. И. Старая Ладога... Ч. I. С. 54.

о которой свидетельствовали клады серебряных дирхемов, импортные вещи, находки обломков амфорной тары и т. д. По мнению В. И. Равдоникаса, активное развитие торговли и ремесла началось *не на первом этапе* жизни на поселении, а приблизительно с рубежа IX–X вв. Именно с этого момента он считал возможным говорить о Ладоге как о городе. В результате «торговая составляющая» процесса урбанизации вновь попадала в число ключевых, хотя сам автор нигде не подчеркивал этого.

Гипотеза о «патриархальной» Ладоге начального периода, где якобы отсутствовали следы контактов с североевропейским миром, строилась на материалах раскопок всего одного полевого сезона 1947 г. (когда постройки нижних горизонтов E₁₋₃ впервые оказались разобраны до материка). Забегая вперед, отметим: повторное обращение к источникам, вкупе с притоком новых материалов, заставило отказаться как от представлений о полном отсутствии североевропейского «следа» в древнейших горизонтах Ладоги, так и от тезиса о резкой смене домостроительных традиций на переходе к X в.¹⁹

Зато другая мысль, мимоходом брошенная В. И. Равдоникасом, — о *социальных причинах отсутствия укреплений* на первоначальном поселении в Ладоге — обрела в археологической литературе долгую жизнь. В его редакции это звучало так: «большие дома Ладоги... являлись жилищами патриархально-семейного типа, сложившегося в тот переходный период... когда в укреплении места обитания каждой... общины уже не было необходимости и когда оборона уже осуществлялась восточным славянством другими способами...»²⁰ В сущности, Равдоникас оказался первым, кто противопоставил раннюю Ладогу другим поселениям той эпохи *по признаку отсутствия укреплений*. В городищах второй половины I тыс. н. э. он видел «мелкие, обособленные, самооборонявшиеся группы» (вполне в духе «одиноких дворов» В. О. Ключевского!). Неукрепленный характер Ладоги свидетельствовал, по его мнению, о постепенном сложении новых социальных отношений, исключавших обособленный характер расселения.

К сожалению, изучение сельских поселений Северо-Запада заметно отставало от археологии городов. Лишь со второй половины 1970–1980-х гг. начались планомерные обследования регионов, а в отечественную науку вошло понятие о важности изучения *древних поселенческих структур как системы* (в частности, параллельного междисциплинарного исследования комплексов «поселение – могильник»)²¹. Осмысление нового пласта источников о городах Восточной Европы обусловило в 1970-х гг. появление идеи «протогородского» этапа урбанизации Руси²². Ключевой тезис авторов идеи — Г. С. Лебедева и В. А. Булкина — заключался в том, что в Восточной Европе, как и в Северной, в раннем Средневековье был представлен особый тип *сезонных торговых центров* (аналогичных североевропейским «викам»), которые отличались от более поздних

¹⁹ Подробнее об этом см.: Носов Е. Н. Стратиграфия Земляного городища... С. 45–65.

²⁰ Равдоникас В. И. Старая Ладога... Ч. II. С. 34.

²¹ Историографический обзор проблемы см.: Макаров Н. А. Археологические древности как источник знаний о ранней Руси // Русь в IX — X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 81–89; Platonova N. Problems of early medieval Slavonic Archaeology in Russia (a view from St.-Petersburg) // Post-Classical Archeologies. 2016. Vol. 6. P. 333–416.

²² Понятие «протогород» периодически использовалось в исторической литературе и ранее (как минимум с 1960-х гг.) при попытках объяснить многообразие форм поселений, выявляемых в раскопках в южных регионах СССР. Но определения данного термина так и не появилось.

древнерусских городов планировкой, диапазоном существования и вероятно, формами социальной организации. Эти центры отразили собой «своеобразие торговли IX–XI вв., охватывавшей сравнительно широкие слои населения... Первоначально... [они] возникали там, где зарождающаяся торговля не могла найти административных, политических или военных центров, обеспечивающих безопасность “гостей”, ...нередко на стыке регионов нескольких племен и народов, ...непрерывно на некотором удалении от моря... Период их функционирования ограничен IX – началом XI в. ...К середине XI в. [они] исчезают, сменяясь средневековыми городами...»²³

В контексте отечественных исследований важной новацией явился сам факт учета и сопоставления прямой информации о раннегородских поселениях Северной и Восточной Европы (Бирка, Хедебю, Ширингсаль, с одной стороны, и Гнёздово, Рюриково городище, Ладога — с другой). В публикации оговаривалась недопустимость трактовки последних как «торговых факторий» скандинавов на Восточном пути²⁴. Указанные представления ассоциировались в отечественной историографии с гипотезой о «шведских викингских колониях в России» («*Svenska vikingakolonier i Ryssland*»), наиболее последовательно сформулированной Т. Арне в 1914–1917 гг.²⁵

В книге В. И. Равдоникаса, изданной в 1930 г. в Стокгольме и посвященной раннесредневековым памятникам Приладжья, эта гипотеза упомянута как «die Theorie Dr. Arne's von den schwedischen Wikingerkolonien in Russland»²⁶. Вероятно, имелась в виду отнюдь не общая «теория колонизации»²⁷, а именно интерпретация памятников в русле интеллектуального течения, являвшегося отражением пангерманизма в концепциях раннесредневековой истории. В наши дни оно названо очень точно: «викингский миф».

Данное явление недавно получило четкое определение в работе А. Е. Мусина: «“vikings myth” или “le mythe viking”, характерный практически для всех политических наций Европы... подменяет реалии скандинавской культуры плодами воображения и интеллектуальными спекуляциями в историческом сознании и существует в самых различных формах: научных, политических, идеологических, эстетических. Так же, как и в России, он порождает научные дискуссии и общественные споры о действительном историческом вкладе викингов в европейскую историю... “Норманнский миф” оказывается, так или иначе, связан с интерпретацией собственного *origo gentis* и поиском национальной идентичности Нового времени...»²⁸

В 1930-х гг. этот «миф» активно эксплуатировался в нацистской Германии, порождая тем самым ответную политизацию проблемы «варягов» в советской науке. Однако «подмена реалий скандинавской культуры плодами воображения» началась значительно раньше. Именно такую подмену демонстрирует нам вполне академичная, содержательная монография Т. Арне «Швеция и Восток», представлявшая собой, на момент

²³ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнёздово и Бирка... С. 15.

²⁴ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнёздово и Бирка... С. 14.

²⁵ Arne T. J. La Suède et l'Orient: études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala, 1914; Svenska vikingakolonier i Ryssland // Arne T. J. Det stora Svitjod: essayer om gångna tidens svensk-ryska kulturförbindelser. Stockholm, 1917. S. 37–63.

²⁶ Raudonikas W. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930. S. 128.

²⁷ Ср.: Мусин А. Е. «Столетняя война» российской археологии // Ex Unque Leonem: К 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб., 2017. С. 225.

²⁸ Мусин А. Е. «Столетняя война»... С. 229.

публикации, ценнейшую сводку материалов по проблеме русско-скандинавского взаимодействия. Появление скандинавских древностей на Руси интерпретировалось в книге по аналогии с таким явлением, как *античная земледельческая и торговая колонизация*²⁹. Рискну предположить, что лишь мощным воздействием «викингского мифа» на мировоззрение ученых, принадлежавших к поколениям героев Кнута Гамсуна (1859–1962) и Джека Лондона (1876–1916), можно объяснить убеждение автора, что вывод греческих/римских колоний на земли покоренных «варваров» и скандинавское проникновение в материковую Европу представляли собой феномены одного уровня.

В западной науке указанные представления оказались живучими. Они до сих пор заметны в трактовках раннегородских центров Руси, как «шведских колоний» на Востоке³⁰. Поэтому хочется подчеркнуть: позиция Г. С. Лебедева и В. А. Булкина была иной. В основе их гипотезы лежала идея раннего *славяно-скандинавского культурного синтеза*, результатом которого стало формирование новой идентичности («руси») ³¹. Кроме того, идея типологического единства Гнёздово с Биркой и Хедебю, конечно, противоречила признанию его «факторией», основанной скандинавскими колонистами в лесных дебрях Поднепровья. Никто ведь не станет «типологически уравнивать» русские фактории в Сибири XVII в. с Москвой! Гипотеза ОТПП подразумевала наличие единых ритмов развития; информационную проницаемость территорий вдоль Восточного пути; синстадиальность социокультурных процессов, протекавших в Северной и Восточной Европе. Сегодня мы можем сказать: формирование принципиально новой, *древнерусской культуры*, культуры «больших пространств»³², которую на раннем этапе характеризовала отчетливая «североевропейская вуаль», является косвенным подтверждением указанных предположений³³.

Изначально гипотеза ОТПП, конечно, являлась лишь очередной схемой, подсказанной результатами раскопок в Северной Европе³⁴, где археология поселений развивалась опережающими темпами. Как и более ранние схемы, она грешила изрядной долей умозрительности. Отличие заключалось в том, что появилась она не в условиях информационного вакуума, а на фоне массового притока новых источников. Именно с периодом 1970–1980-х гг. связаны новые, принципиально важные раскопки в Старой Ладоге, на Рюриковом городище, в Гнёздове, Изборске, Пскове, Тимерёво, давшие огромную «информацию к размышлению». Приток новых материалов стимулировал и новый виток дискуссии о происхождении города. В ходе ее определились встречные

²⁹ Arne T. J. La Suède et l'Orient... S. 18; ср.: Мусин А. Е. «Столетняя война»... С. 225.

³⁰ Jones G. History of the Vikings. Oxford, 1968. P. 264 et al.; Clarke H., Ambrosiani B. Towns in the Viking Age. Leicester and London, 1991. P. 124–126 et al.; Франклин С., Шенард Д. Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000. С. 38–50 и др.; Duczko W. Viking Rus': studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden; Boston, 2004. P. 187–188 et al.

³¹ См.: Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3. С. 271–290.

³² Головинёв А. В. Культуры больших пространств Северной Евразии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. Т. 3 (25). С. 317–321.

³³ Ср.: Платонова Н. И. Древнерусская культура и древнерусская элита на современном этапе исследований // Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб., 2017. С. 9–29.

³⁴ Jankuhn H. Typen und Funktionen vor- und frühwildngerzeitlicher Handelsplätze im Ostseegebiet. Wien, 1971. S. 26–30.

позиции и мнения, в том числе по проблеме «протогородского» этапа. Разумеется, «гипотеза ОТПП» вызвала у кого-то полнейшее неприятие³⁵. Но в целом выяснилось, что она органично вписывается в новую систему взглядов и объяснительных моделей, формирование которой шло буквально на глазах³⁶.

В этой системе взглядов всеобщее признание получил факт наличия на северных участках трансъевропейских речных путей серии поселений, отражающих наиболее раннюю фазу урбанизации, а в XI в. теряющих былое значение. Новые исследования подтвердили представление о них как о пунктах, связанных с международной торговлей и высокоразвитым ремеслом, а также со стоянкой и ремонтом судов. Появились данные о наличии там не только гаваней, но и сухих доков³⁷. Умножились материальные свидетельства пребывания в этих центрах людей высокого социального статуса. На последнее указывали находки дорогих импортных вещей, в том числе из драгоценных металлов (вкуче со свидетельствами изготовления на месте их реплик и вариантов); обнаружение кладов на поселениях и в ближайшей округе; открытие строительных комплексов явно престижного типа и т. д. Проблемы уточнения хронологии каждого из указанных центров и соотношения с «парными» поселениями, перенимающими у них городские функции в конце X – XI в., сохраняют актуальность и сейчас, хотя решаются исследователями по-разному.

В результате в 1980–1990-х гг. стало возможным говорить уже не просто о появлении интересной идеи из области типологии городов, а о реальной *смене парадигм*. «Торговая теория», в обновленном варианте, вновь заняла в отечественной русистике лидирующие позиции. Прямая связь с торговыми путями фактически была признана обязательным условием и главной движущей силой процесса урбанизации Руси. Итоги дискуссии в середине 2000-х гг. подвел Е. Н. Носов, который подчеркнул: «ранние торгово-ремесленные и военно-административные центры возникали *в результате активного влияния внешней торговли на местное общество...* (курсив автора. — Н. П.)»³⁸.

В начале 2010-х гг. важным этапом в изучении процесса урбанизации стала публикация коллективного труда, обобщившего основные итоги исследований всех более-

³⁵ Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВИ. 1980. № 12. С. 24–42; Фроянов И. Я., Михайлова И. Б. Город или протогород? (об одной надуманной исторической категории) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 228–236.

³⁶ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978; Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100–112; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. 1986. № 5. С. 63–77; Носов Е. Н. Проблемы происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 59–78; Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989; Носов Е. Н. Проблемы происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 59–78.

³⁷ Мурашьева В. В., Мальшичева Н. Н., Френкель Я. В. Исследования прибрежной территории озера Бездонка на пойменной части поселения Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. М., 2018. С. 333–335.

³⁸ Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом... С. 27.

менее крупных раннегородских центров Древней Руси³⁹. Вкупе с другими изданиями последних лет⁴⁰, она составила ту базу новейших данных, которой располагает историк древнерусского города на современном этапе.

В свете указанной информации характеристики ОТПП, постулированные в 1970–1980-х гг., подверглись ревизии. Первыми не выдержали проверки представления о «сезонном, колеблющемся составе» и «временных формах социальной связи» населения торгово-ремесленных центров. Строго говоря, их следовало отбросить давно, ибо здесь имело место прямое нарушение исследовательской процедуры — подстановка исторической реконструкции на место исходных признаков. Но сейчас уже с полным основанием можно считать ошибочной саму реконструкцию — по меньшей мере, для X века. В это время площадь стабильной застройки ОТПП резко расширяется; ремесло повсеместно носит стационарный характер. Там, где материал позволяет производить гендерные подсчеты (например, в Гнёздово), представленность в некрополе различных половозрастных групп свидетельствует не о «сезонной», а о постоянной, вполне стабильной демографической структуре поселений⁴¹.

Радикальнее всех высказался по этому поводу С. В. Томсинский. По его мнению, «ни один из признаков ОТПП, выделенных авторами с оглядкой на выводы Г. Янкуна, применительно к Восточной Европе, не подтверждается однозначно материалами раскопок... А, следовательно, «гипотеза ОТПП» не может быть признана полноценной научной гипотезой...»⁴².

С последним согласиться трудно, ибо речь идет о гипотезе, стимулировавшей смену парадигм. Именно в 1974 г. в советской историографии впервые за много лет прозвучал тезис о значительной роли международной торговли в процессе становления первых городов⁴³. Для признания «полноценности» этого более, чем достаточно. Конечно, любая гипотеза есть модель, которая, рано или поздно, будет подвергнута ревизии. Однако идея типологической близости серии раннегородских поселений, приуроченных к трассе «Пути из Варяг в Греки», и сейчас не теряет актуальности, несмотря на все корректировки.

Сравнительная топография ОТПП недавно была проанализирована в работе К. А. Михайлова, пришедшего к однозначному выводу о сходстве данной серии поселений по целому ряду признаков, таких как: диапазон функционирования (хронология); топографическая

³⁹ Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Под ред. Н. А. Макарова. М.; Вологда, 2012.

⁴⁰ См., например: Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов МНК / Под ред. Н. А. Макарова. Вологда, 2012; Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века: В 2 т. / Под ред. И. К. Лабутиной. СПб., 2016; Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси). СПб., 2016; Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище: Новые этапы исследований. СПб., 2017; Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / Под ред. М. А. Родионовой. СПб., 2017; Новое в археологии Старой Ладogi: Материалы и исследования / Под ред. Н. И. Платоновой, В. А. Лапшина. СПб., 2018; Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 / Под ред. С. Ю. Каинова. М., 2018; и др.

⁴¹ Жарнов Ю. Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 7.

⁴² Томсинский С. В. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 364.

⁴³ Ср.: Носов Е. Н. Проблемы происхождения первых городов Северной Руси. С. 66.

приуроченность; связь с обширными некрополями, объединявшими различные типы погребальных сооружений; преимущественно открытый характер поселений⁴⁴.

Во многом солидаризируясь с позицией уважаемого исследователя, позволю себе ряд небольших уточнений. «Открытость», действительно, служит ключевой социальной характеристикой указанной серии, но важно подчеркнуть: за ней стоит не полное отсутствие укреплений, но абсолютное *пространственное и функциональное доминирование обширных неукрепленных частей над незначительными по площади и слабыми в фортификационном отношении городищами*. Кстати, именно такую картину демонстрируют нам североевропейские «вики». В этом смысле «открытость» полностью подтверждается новыми материалами, полученными для раннегородских поселений Северной Руси.

Вопрос о том, когда и как структура ранних городов начинает меняться, пока не получил однозначного ответа. На мой взгляд, на памятниках Южной Руси данный процесс имеет специфику, но это уже тема отдельного исследования. Замечу также: судя по последним публикациям гнёздовских материалов, укрепления на Центральном городище появляются не на рубеже IX–X вв., а во второй четверти X в.⁴⁵ Соответственно, представления о том, что растущее селище фактически поглотило предшествовавшее ему небольшое (~1 га) городище в устье р. Свинец, и «большую часть X столетия его укрепления не функционировали...»⁴⁶, не подтверждаются фактами. Центральное Гнёздовское поселение формально обрело структуру *крепость* — *посад* именно в период своего расцвета. Каков был социальный контекст этого события, какая роль принадлежала городищу в рамках огромной (~30 га) открытой жилой зоны — это отдельный вопрос.

Применительно к Новгородскому (Рюрикову) городищу заключение К. А. Михайлова о нефункциональности укреплений в течение всего X в., безусловно, справедливо⁴⁷. Не позднее 890-х гг. оплывшие склоны мощного рва стали местом хозяйственной деятельности, несовместимой с поддержанием фортификаций в актуальном состоянии⁴⁸. Но еще предстоит установить: появились они в «эпоху Рюрика» или были наследием более раннего периода? Е. Н. Носов последней возможности не исключал, отмечая: «Радиоуглеродный анализ, проведенный по углю из заполнения рва, позволил определить время его функционирования как конец VIII – X в., причем датировки двух образцов говорят о том, что ров мог быть сооружен еще в начале VIII в.»⁴⁹. Поскольку исследование укреплений Городища ныне продолжено, решение вопроса стоит оставить на будущее.

⁴⁴ Михайлов К. А. Сравнительная топография первых древнерусских городских центров IX–X вв. (к юбилею одной статьи) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов МНК. Вологда, 2012. С. 15–18.

⁴⁵ Пушкина Т. А., Мурашьева В. В., Енисова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс... С. 271.

⁴⁶ Михайлов К. А. Сравнительная топография... С. 11.

⁴⁷ Михайлов К. А. Сравнительная топография... С. 9–10.

⁴⁸ Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище: Новые этапы исследований. СПб., 2017. С. 13–14, 84–103.

⁴⁹ Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище... С. 12.

Отдельную проблему представляют собой типологические сходства/различия раннегородских поселений, напрямую приуроченных к трансъевропейским речным путям, с памятниками, расположенными в стороне от них — в частности, с Псковом и Изборском IX–XI вв. Эти города никогда не включаются в серию ОТПП, так как топографическая привязка их центральных поселений к городищенским холмам никак не позволяет говорить об «открытости», несмотря на отсутствие достоверных данных об укреплениях, по крайней мере, до X в. Тем не менее, общность раннегородской проблематики очевидна, а материалы зачастую привлекаются в качестве аналогий ранней Ладоге, Гнёздову, Рюрикову городищу. Решение данной проблемы, на мой взгляд, следует искать на пути исследования конкретно-исторического контекста, в рамках которого шел процесс урбанизации в каждом из регионов.

ПРОБЛЕМА «ПОДОСНОВЫ» И ПРОБЛЕМА «ПЕРЕХОДА»

Попробуем по возможности объективно проанализировать некоторые проблемы происхождения ранних городов Северной Руси, которые не имеют однозначного решения. Самая первая из них — это проблема *подосновы*, той социокультурной среды и экономической базы, на которых выростали города. О такой подоснове («сельской округе») много писали историки-марксисты. Сейчас появилась возможность говорить о ней более предметно.

Последние полвека ознаменовались резким увеличением объема информации о разных пластах древностей, подстилающих Древнюю Русь. Эти последние отражают ситуацию за сто, двести и более лет до начала сложения государственных образований с центрами в Новгороде, Полоцке, Смоленске и т. д. Решение проблемы подосновы ранних городов невозможно без понимания исходной расстановки сил на этом поле.

Как оказалось, во второй половине I тыс. н. э. на территории Северо-Запада фиксируется очень пестрая картина⁵⁰. Крупные массивы памятников, существовавшие в V–VII вв. (культура длинных курганов, позднедьяковская культура и пр.) оказываются, на поверку, далеко не однородными. А наряду с обширными массивами существуют обособленные культурные феномены — памятники удомельского типа, древности типа Подол, типа Городка на Маяте и т. п. Изрядная пестрота наблюдается и позднее, в период IX–XI вв., когда ранняя древнерусская культура предстает еще не как устойчивая структура, а в виде разнородного, не устоявшегося конгломерата отдельных элементов⁵¹. Но разделяет эти два периода загадочный, «пустой» VIII век, когда развитие традиций третьей четверти I тыс. н. э. резко обрывается, а их осколки начинают «перетасовываться» между собой, как колода карт.

За этим явлением стоит одна хорошо известная в науке закономерность: *начальный этап* формирования культурных единств не получает в археологическом материале отчетливого отражения. Новая культура (т. е. *система социокультурных традиций*, дошедшая до нас в археологизированном виде)⁵² начинает достоверно опознаваться

⁵⁰ Исланова И. В. Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М., 2016. С. 162.

⁵¹ Платонова Н. И. Древнерусская культура и древнерусская элита... С. 11.

⁵² Ср.: Аникович М. В. Принципы археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum plus. 2003–2004. № 1. С. 487–505.

как совокупность взаимно связанных типов не ранее, чем связи между типами обретут устойчивые формы и повторяемость. Это аксиома археологии⁵³.

Уточнение историко-культурной ситуации на Северо-Западе в последние двадцать лет имело результатом выявление предпосылок реализации иного сценария становления местных центров (зародышей города?), отличного от того, который реализовался благодаря активизации восточной торговли и выделению ОТП. Еще четверть века назад у археологов не было ни малейшего сомнения, что все важнейшие факторы, определившие облик городов Северной Руси — «славянское расселение, возникновение Ладоги, формирование торгового пути, первое появление скандинавов — принадлежат исторически к одному периоду, а хронологически — к достаточно короткому отрезку времени...»⁵⁴ Под «коротким отрезком» имелся в виду период с середины VIII до начала X в. Однако в последние десятилетия эти представления подверглись ревизии.

В конце 1990-х гг. в Приильменье произошло открытие нового пласта раннеславянских памятников. Наиболее исследованными из них являются в настоящее время городища Городок на Маяте, Сельцо, Бронница, селище Прость и др. В ходе работ были выявлены культурные слои как VIII, так и V–VII вв.⁵⁵ Появилась возможность отнести к той же серии ряд поселений Псковщины и Поволховья, включая древнейший Псков. В культуре населения, оставившего эти памятники, прослеживаются традиции северного варианта киевской культурной общности (типа Заозерье–Узмень)⁵⁶. Исходным регионом земледельческой колонизации Приильменья предстает Белорусское Подвинье середины I тыс. н. э. «Как оказалось, бросок южного населения на север был так стремителен, что первые городки... появляются... в сердце Новгородской земли — уже около рубежа V и VI столетий...»⁵⁷

Новые исследования помогли уяснить, что на Ильмене «...начальное славянское расселение не спрессовано в один культурно-хронологический пласт с варяжской экспансией середины VIII–X вв., а отделено от нее примерно двухсотлетним периодом самостоятельного развития...»⁵⁸ Формирование мощных укрепленных центров сельских округ началось не позднее VII в., то есть до начала активного функционирования

⁵³ Ср.: Клейн Л. С. Проблема смены культур в современных археологических теориях // Вестник ЛГУ. 1975. Серия «История». Вып. 8. С. 95–103.

⁵⁴ Носов Е. Н. У истоков Новгорода // Славянский средневековый город: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997. С. 283.

⁵⁵ Плохов А. В. К проблеме появления славян в Приильменье // Ладога и религиозное сознание. СПб., 1997. С. 105–107; Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. С. 122–154; Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из Варяг в Греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и оз. Ильмень. СПб., 2010. С. 402–420 и след.

⁵⁶ Лопатин Н. В. О древностях III–V вв. н. э. на юге Псковской области // АИПЗ: Материалы 54 заседания. Псков, 2009. С. 209–218; Лопатин Н. В., Фурасев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. М., 2007.

⁵⁷ Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015. С. 55.

⁵⁸ Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии... С. 417.

Волжского пути и «серебряной лихорадки», охватившей Север. Указанный процесс был исследован И. И. Еремеевым на материалах раскопок городища Городок на Маяте.

Сходная картина имела место в нижнем Поволховье, о чем свидетельствуют материалы городища Любша — древнейшей каменно-земляной крепости Северной Руси, маркирующей северную границу Староладожского археологического комплекса. Ее основание имело место не позднее VII – первой половины VIII в.⁵⁹ За это говорят архаичность набора стеклянных бус, отсутствие в слое находок рубленого бисера и серебряных дирхемов⁶⁰. Памятник можно рассматривать в том же ряду, что и Городок на Маяте, Бронницу, ранний Псков и пр.

В стратегическом плане Любшанское городище занимало ключевую позицию — в месте резкого расширения русла Волхова, на высоте, доминирующей над территорией в десятки квадратных километров. Строительство здесь крепости свидетельствовало об уже состоявшемся освоении нижнего Поволховья тем же населением, которое заселило Приильменье. При этом связь Любши с торговым путем была явно вторичной; судя по составу археологических находок, она не являлась ни перевалочным пунктом, ни поселком торговых людей. После перемещения основного поселенческого ядра выше по Волхову, в устье р. Ладожки, городище еще какое-то время служило военным форпостом и местом первой остановки судов, следующих по Волхову⁶¹.

Хронологию событий, связанных с последующим разрушением Любши, еще предстоит уточнить. По-видимому, случилось это не позднее середины IX в. Керамический комплекс свидетельствует об изначальной однокультурности обоих поселений. Керамика Любши представлена в основном фрагментами лепных сосудов «ладожского типа» с ребром⁶².

Таким образом, можно констатировать, что уже в третьей четверти I тыс. н. э. в ареале будущей Северной Руси шел процесс становления славянских окружных центров, который оказался прерван в эпоху викингов. Крепости были разрушены; жизнь на них не возобновилась. Лишь в Полоцком Подвинье ситуация оказалась иной: по крайней мере, несколько крупных городов региона (включая сам Полоцк) выросли там фактически на основе архаичных «племенных городков»⁶³.

Идею такого сценария становления города трудно назвать новой. О возможности «перерастания» окружных центров в древнерусские города писали многие ученые⁶⁴.

⁵⁹ *Рябинин Е. А., Дубаишинский А. В.* Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. СПб., 2002. С. 196–203; *Миляев П. А.* Городище Любша: планиграфия и стратиграфия // *Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования*. СПб., 2018. С. 207–232.

⁶⁰ *Рябинин Е. А.* Раскопки Любшанского городища в Нижнем Поволховье (предварительные результаты археологических исследований) // *Культура, образование, история Ленинградской области*. СПб., 2002. С. 56; *Миляев П. А.* Городище Любша... С. 231.

⁶¹ *Миляев П. А.* Изделия североευропейского облика в материальной культуре городища Любша IX – начала X в. (предварительное сообщение) // *Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* СПб., 2017. С. 225–244.

⁶² *Сениченкова Т. Б.* Керамика Любшанского городища // *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Vol. VI. Минск, 2010. С. 72.

⁶³ *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли... С. 18–74.

⁶⁴ См., например: *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М., 2006. С. 79 и др.; *Седов В. В.* Изборск в раннем Средневековье. М., 2007. С. 116–117.

В принципе, для земель, лежавших в стороне от главных военно-торговых магистралей, это вполне допустимо. В указанный ареал входили огромные территории, заселенные славянами в последней четверти I тыс. н. э. — от городищ Северной Германии до памятников роменско-боршевской культуры в Днепро-Донском междуречье.

Замечу, что отождествлять процесс сложения местных племенных центров с *урбанизацией* не вполне корректно. Конечно, раннесредневековые «городки» представляли собой разнородные явления. Наряду с мелкими укреплениями, игравшими роль общественных и сакральных мест⁶⁵, среди них встречаются крупные геополитические центры⁶⁶, в том числе с явными признаками развития товарно-денежных отношений⁶⁷. Однако процесс становления на их основе *средневековых городов* почти всегда характеризуется незавершенностью.

В этом плане весьма показательной является судьба роменских городищ на левобережье Днепра. Некоторые из них по общим характеристикам близки «малым городам». Однако исследование показало, что ни одного примера настоящего «перерастания» в город материалы не дают. Городища неизменно гибнут и забрасываются в конце X – XI в.⁶⁸ Население уходит оттуда и, возможно, включается в городскую жизнь — но только в других местах.

В отдельных случаях, правда, можно говорить и о родстве культурных традиций, и о реальной преемственности жизни на поселениях, уходящих корнями в третью четверть I тыс. н. э. Однако залогом окончательного превращения «городка» в «город» служит обычно или социально-политический катаклизм, или включение пункта в зону нового влияния — т. е. события, *меняющие функции поселения и условия его дальнейшего развития*⁶⁹. Ярким примером такого рода служит сам Полоцк, представлявший собой, вплоть до середины X в., агломерацию небольших поселков с центром в виде городища архаичной планировки, с верхней площадкой всего 75×40 м. В середине X в. городище было взято штурмом: деревянные укрепления по гребню вала сторели⁷⁰. После катастрофы там разворачивается активное фортификационное строительство, и Полоцк впервые типологически «начинает выделяться среди прочих славянских “городков”». Применительно именно к этому времени можно очень осторожно заводить речь о “городском” характере полоцких укреплений...»⁷¹

Таким образом, можно предположить, что превращение «городка» в «город», даже при очевидной преемственности культуры и отсутствии перерыва в заселении, не обходилось без серьезных социально-политических потрясений, способных изменить функции поселения и вектор его дальнейшего развития.

⁶⁵ Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли... С. 21–23.

⁶⁶ См.: Шнеевайс Й. Раннесредневековые городища северной Германии // *Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* СПб., 2017. С. 198–224.

⁶⁷ Кулешов В. С. Денежное обращение Новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства.* СПб., 2012. С. 65–70.

⁶⁸ Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 216–217, 222 и др.

⁶⁹ Ср.: Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли... С. 59.

⁷⁰ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX–X вв. Минск, 1975. С. 25.

⁷¹ Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли... С. 85–86.

ЦЕНТРЫ ТОРГОВЛИ ИЛИ ЦЕНТРЫ ВЛАСТИ?

Несколько слов следует сказать о смыслах, что вкладываются учеными в понятие «торговля» применительно к эпохе викингов. На этом пути легко впасть в модернизацию, допустив существование «свободной торговли» с Востоком в смысле простого посредничества, обмена и спекуляции товарами ради получения прибыли. На деле такого быть не могло. Для этого требовалась инфраструктура, которой тогда не существовало. Да и целью торговых сделок являлось не развитие капитала, а накопление сокровищ и повышение личного статуса.

Г. С. Лебедев и В. А. Булкин, на мой взгляд, с полным основанием писали о «своеобразии» торговли IX–XI вв. и отсутствии центров, обеспечивающих безопасность «гостей». Однако предложенное ими решение этого вопроса, а именно — появление на перекрестках торговых путей «самоорганизующихся» поселений с сезонным, изменчивым составом обитателей — вряд ли можно признать удачным. Организация мест скопления вооруженных людей (чья «толерантность» явно оставляла желать лучшего) была не менее опасным занятием, чем сами походы. Вряд ли ее можно было строить по какой-то иной модели, кроме единоначалия и общепризнанного лидерства.

Рискну предположить, что постепенное усиление веса торговли и ремесел в функциональном спектре ОТПП выросло из первичного назначения этих поселений — *административно-организационного*. Деятельность «протогородов», пришедших на смену прежним центрам округ, изначально концентрировалась на сборе «благ», которые в дальнейшем предстояло обменять на восточные сокровища. Начало движения по Волжскому пути открыло новые, невиданные ранее возможности реализации собранного добра. Можно предположить, что именно тогда для увеличения сборов были задействованы разные изощренные способы — не только банальное насилие, но и установление с населением глубинки стабильных отношений, в которых торговля была неотделима от формирующихся связей поддержки и покровительства.

Предметное обоснование последнего тезиса, конечно, должно стать темой отдельной работы. Сейчас я напомним лишь некоторые известные факты археологии, значение которых, на мой взгляд, недооценивается. К примеру, археологические источники свидетельствуют, что изготовление продуктов ремесла, предназначенных для *массового сбыта населению*, началось в Ладоге уже в конце VIII – начале IX в. В течение нескольких десятилетий там функционировала стеклодельная мастерская, где стекло варилось *по восточному рецепту*, на привозном сырье. «Характер отходов позволяет предполагать существование в Ладоге полного цикла производства, включавшего варку стекла... и изготовление бус...»⁷² Таким образом, уже к концу VIII в. оказался налажен стабильный подвоз в Ладогу нужных компонентов технологического процесса с Ближнего Востока⁷³. В результате начали массово изготавливаться несложные серийные типы бус (глазчатые «ладожского типа», многочастные пронизки, рубленый бисер и пр.). Их низки служили «валютой» — главным меновым эквивалентом в сборе и обо-

⁷² Курбатов А. В. Ремесло раннесредневековой Ладоги // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб., 2018. С. 265.

⁷³ Rjabinin E., Galibin V. New Data about the Early bead Making in Ladoga // Glass Beards. Cultural History. Technology. Proceeding of the Nordic Glass bead Seminar 16–18 October 1992. Lejre. Studies in Technology and Culture. Vol. 2. Lejre, 1995. P. 109–112.

роте пушнины. При этом наблюдалась тесная взаимосвязь работ мастеров-стеклоделов и производства украшений из привозного янтаря, который стал массово поступать в Ладугу также в последней четверти VIII в.⁷⁴

На мой взгляд, эти данные противоречат не только интерпретации ранней Ладуги как «патриархальной деревни», но и распространенному в последнее время представлению о ней как об обычной «усадебке», основанной в ходе двусторонней колонизации Северо-Запада⁷⁵. На деле организационная роль поселения в устье Ладужки уже на первом этапе не вменялась в «сельские» рамки. И вряд ли его функции исчерпывались простым обслуживанием нужд проезжих купцов.

Можно предположить — то, что наблюдается в Ладуге в указанный период, свидетельствует не только о «торговле» как таковой, а о целенаправленном освоении прилегающих территорий с целью их эксплуатации. Мощным стимулом к этому послужило начало движения по Волжскому пути.

«Близнецом» Ладуги в типологическом и функциональном плане является комплекс Городище на Сяси, с нижней датой не позднее рубежа VIII–IX вв. Он незаслуженно мало упоминается в современной литературе. Но и того, что опубликовано, достаточно для уяснения важной роли этого поселения на начальном этапе существования протогородских центров Северо-Запада, сочетавших административно-организационные функции с развитием внутренней торговли и прогрессивных ремесленных традиций⁷⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря о «перерастании» архаичных местных центров в города, исследователи нередко забывают, что формирование новых социальных отношений совершалось *в головах людей*, а не напрямую в типах артефактов. В основе систем традиций, выявляемых по археологическим источникам, лежали поведенческие стереотипы носителей живых культур. Изменение типов поселений, предметов быта, жилищ и погребений являлось лишь опосредованным отражением смены этих стереотипов в обществе. В одних случаях изменения протекали плавно, в других — принимали взрывной характер. Но никакие феномены материальной культуры не «перерастали» друг в друга сами по себе.

Урбанизация означала радикальные изменения в структуре архаичных восточноевропейских социумов. Она была попросту *невозможна* без ломки устоявшейся иерархии ценностей, авторитетов и сакральных связей. С этой точки зрения и надо оценивать такие явления, как гибель и заброс старых окружных центров; возникновение новых в других местах; следы катастроф, разделяющих периоды функционирования поселений, становящихся городами. В живом процессе эволюции восточноевропейских сообществ и их культуры в последней четверти I тыс. н. э. ключевым моментом стало формирование *новой элиты*, тесно связанной с ОТПП.

⁷⁴ Курбатов А. В. Ремесло раннесредневековой Ладуги... С. 262.

⁷⁵ Ср.: Кузьмин С. Л. Ладуга в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008. С. 76, 88–91, и др.

⁷⁶ Богуславский О. И. Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь (по результатам раскопок 1987–1999 гг.) // Stratum plus. 2003–2004. № 5. С. 171–243.

Отметим и еще один момент. В первом изложении концепции ОТПП понятие «протогород» четко отделялось от «города». Позднее это отличие «смазалось»: сыграли роль возражения оппонентов. Понятие «раннегородских поселений» совершенно вытеснило «протогорода», хотя чем отличался «ранний город» от «средневекового», так и осталось неясным.

На современном этапе было бы разумным вернуться к понятию «протогород», применительно к наиболее раннему этапу становления административно-организационных центров Начальной Руси (VIII–IX вв.). Не следует смешивать их ни с «городами», ни с «деревней»: это совершенно особое явление в социальной культуре раннего Средневековья.

Информация о статье

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-09-40111 («Древности») «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения».

Автор: Платонова, Надежда Игоревна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории материальной культуры, Российская Академия наук, Санкт-Петербург, Россия, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-1432-720X>, Scopus ID 56511560400, SPIN-code 7744-3372, e-mail: niplaton@gmail.com

Заголовок: Проблемы становления города в Северной Руси: заметки археолога

Резюме: В 1990-х гг. идея, что связь с торговыми путями явилась главной движущей силой процесса урбанизации Руси, вновь заняла ведущие позиции в российской науке. Но говоря о «торговле», применительно к эпохе викингов, легко впасть в модернизацию. «Свободной торговли» в современном смысле тогда не было. Чтобы не быть проданным в рабство, купец должен был находиться под защитой социума, имеющего вес на международной арене. Именно с этих позиций необходимо рассматривать свидетельства занятий ремеслом и торговлей, сохранившиеся в слоях раннегородских поселений. Сочетание административно-организационного и торгово-ремесленного факторов в их функциональном спектре является ключевой проблемой, подлежащей разработке.

Важным аспектом проблемы градообразования является изучение социокультурной и экономической подосновы, на которой выросли города. В эпоху викингов на Северо-Западе был прерван процесс становления славянских окружных центров, начавшийся в VII – начале VIII в. Первые «протогорода» возникали на новых местах. Но и там, где реально обнаруживалась преемственность между «городком» и «городом», залогом преобразований служил или социально-политический катаклизм, или включение данного пункта в зону нового влияния. Сам по себе, процесс сложения местных центров не может отождествляться с урбанизацией. Последняя означала радикальные изменения в структуре архаичных восточноевропейских социумов. Начало функционирования военно-торговых путей, поступление на север арабского серебра открыли невиданные ранее перспективы реализации собранных на севере даней и продуктов обмена. Именно тогда возникают первые «протогорода», в которых можно видеть административно-организационные центры нового типа. В частности, в Ладоге в конце VIII в. было организовано производство стекла по восточному рецепту, для последующего изготовления бус, использовавшихся как «валюта», при обмене на пушнину. Следовательно, уже тогда правителям Ладоги удалось наладить стабильный подвоз туда нужных компонентов технологического процесса с Ближнего Востока. Подобный организационный размах свидетельствовал не об индивидуальной «торговле», а о целенаправленной эксплуатации прилегающих территорий, на постоянной основе. «Протогорода» не следует смешивать ни с «городами», ни с «деревней»: это особое явление в социальной культуре раннего средневековья. Их появление было бы невозможно без ломки устоявшейся иерархии ценностей, авторитетов, сакральных связей. С этой точки зрения не приходится удивляться, что «плавной преемственности» старых и новых центров не наблюдается. Менялись не племена и не этнический состав (хотя приток военизированного контингента с севера имел место), а, в первую очередь, социальные роли. Протогорода стали эпицентрами формирования новой элиты и новых, древнерусских культурных традиций, которые затем очень быстро распространились на сельскую округу.

Ключевые слова: раннее средневековье, Северная Русь, урбанизация, базовые концепции, археологические источники, протогорода, административно-организационные центры

Литература, использованная в статье:

«Столетняя война» российской археологии // *Ex Unque Leonem: К 90-летию Льва Самуиловича Клейна*. Санкт-Петербург: Нестор – История, 2017. С. 223–244.

Авдусин, Даниил Антонович. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // *Вопросы истории*. 1980. № 12. С. 24–42.

Аникович, Михаил Васильевич. Принципы археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // *Stratum plus*. 2003–2004. № 1. С. 487–505.

Артамонов, Михаил Илларионович. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // *Советская археология*. 1990. № 3. С. 271–290.

Богуславский, Олег Игоревич. Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь (по результатам раскопок 1987–1999 гг.) // *Stratum plus*. 2003–2004. № 5. С. 171–243.

Булкин, Василий Александрович; Дубов, Игорь Васильевич; Лебедев, Глеб Сергеевич. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978. 150 с.

Булкин, Василий Александрович; Лебедев, Глеб Сергеевич. Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // *Культура средневековой Руси*. Ленинград: Наука, 1974. С. 11–17.

Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1/ Под ред. Каинова, Сергея Юрьевича. Москва: ГИМ, 2018. (Труды ГИМ. Вып. 210). 552 с.

Головнёв, Андрей Владимирович. Культуры больших пространств Северной Евразии // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2009. Т. V, 1. 25. С. 317–321.

Городище Любша: планиграфия и стратиграфия // *Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования*. Санкт-Петербург: Невская Книжная Типография, 2018. (Труды ИИМК РАН. Т. LIII). С. 207–232.

Горюнова, Валентина Михайловна. Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2016. (Труды ИИМК РАН. Т. XLVII). 352 с.

Греков, Борис Дмитриевич. Киевская Русь. Москва: Госполитиздат, 1953. 569 с.

Григорьев, Александр Вадимович. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000. 263 с. (Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 2).

Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века: В 2 т. / Под ред. Лабутиной, Ирины Константиновны. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016.

Еремеев, Иван Игоревич. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2015. (Труды ИИМК РАН; Т. XLIV). 696 с.

Еремеев, Иван Игоревич; Дзюба, Ольга Федоровна. Очерки исторической географии лесной части Пути из Варяг в Греки: Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и оз. Ильмень. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. (Труды ИИМК РАН. Т. XXXIII). 670 с.

Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 23 с.

Исланова, Инна Васильевна. Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.)*. Москва, 2016. (Раннеславянский мир. Вып. 17). С. 136–220.

Кирпичников, Анатолий Николаевич, Курбатов Александр Валентинович. Новые данные о происхождении Ладожского поселения и появлении славян в Поволховье // *Stratum Plus*. 2014. № 5. С. 129–136.

Комар, Алексей Викторович. Киев и Правобережное Поднепровье // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*. Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 300–333.

Куза, Андрей Васильевич. Малые города Древней Руси. Москва: Наука, 1989. 168 с.

Кузьмин Сергей Леонидович. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // *Исследование археологических памятников эпохи средневековья*. Санкт-Петербург, 2008. С. 69–94.

- Кулешов, Вячеслав Сергеевич. Денежное обращение Новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Санкт-Петербург: СОЛО, 2012. С. 65–70.
- Курбатов, Александр Валентинович. Ремесло раннесредневековой Ладоги // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. Санкт-Петербург: Невская Книжная Типография, 2018. С. 235–282.
- Лопатин, Николай Владимирович. О древностях III–V вв. н. э. на юге Псковской области // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 54 заседания. Псков: Институт археологии РАН, 2009. С. 209–218.
- Лопатин, Николай Владимирович; Фурасьев, Алексей Геннадьевич. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. Москва: Институт археологии РАН, 2007. (Раннеславянский мир. Вып. 8). 252 с.
- Макаров, Николай Андреевич. Археологические древности как источник знаний о ранней Руси // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 64–90.
- Мельникова, Елена Александровна; Петрухин, Владимир Яковлевич. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. 1986. № 5. С. 63–77.
- Миляев, Павел Андреевич. Изделия североευропейского облика в материальной культуре городища Любша IX – начала X в. (предварительное сообщение) // *Élite ou Égalité*: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. Санкт-Петербург: Издательский дом «Бранко», 2017. С. 225–244.
- Михайлов, Кирилл Алексеевич. Сравнительная топография первых древнерусских городских центров IX–X вв. (к юбилею одной статьи) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов МНК. Вологда, 2012. С. 5–20.
- Мурашьева, Вероника Владиславовна; Малышева, Надежда Николаевна; Френкель, Яков Викторович. Исследования прибрежной территории озера Бездонка на пойменной части поселения Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Москва, 2018. (Труды ГИМ. Вып. 210). С. 286–339.
- Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / Под ред. Родионовой, Марины Анатольевны. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2017. 264 с.
- Новое в археологии Старой Ладоги: Материалы и исследования / Под ред. Платоновой, Надежды Игоревны; Лапина, Владимира Анатольевича. Санкт-Петербург: Невская Книжная Типография, 2018. (Труды ИИМК РАН. Т. LIII). 536 с.
- Носов, Евгений Николаевич. Проблемы происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 1993. С. 59–78.
- Носов, Евгений Николаевич. Стратиграфия Земляного городища Старой Ладоги: итоги и перспективы исследований // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. Санкт-Петербург: Невская Книжная Типография, 2018. С. 45–65.
- Носов, Евгений Николаевич. У истоков Новгорода // Славянский средневековый город: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Новгород, 26–31 августа 1996 г. Т. 2. Москва, 1997. С. 272–285.
- Носов, Евгений Николаевич; Горюнова, Валентина Михайловна; Плохов, Алексей Вячеславович. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (новые материалы и исследования). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005. 403 с.
- Носов, Евгений Николаевич; Плохов, Алексей Вячеславович; Хвоцинская, Наталья Вадимовна. Рюриково городище: Новые этапы исследований. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2017. (Труды ИИМК РАН. Т. XLIX). 288 с.
- Носов, Николай Евгеньевич. Академик Борис Дмитриевич Греков — исследователь-источниковед // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XV. Л. 1983. С. 3–30.
- Обломский, Андрей Михайлович. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Москва, 2016. (Раннеславянский мир. Вып. 17). С. 10–113.
- Петрухин, Владимир Яковлевич; Пушкина, Тамара Анатольевна. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100–112.

- Платонова, Надежда Игоревна. Древнерусская культура и древнерусская элита на современном этапе исследований // *Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* Санкт-Петербург: Издательский дом «Бранко», 2017. С. 9–29.
- Плохов, Алексей Вячеславович. К проблеме появления славян в Приильмень // *Ладога и религиозное сознание.* Санкт-Петербург, 1997. С. 105–107.
- Пресняков, Александр Евгеньевич. Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. Москва: Наука, 1993. 635 с.
- Равдоникас, Владислав Иосифович. О возникновении феодализма в лесной зоне Восточной Европы в свете археологических данных // *Основные проблемы генезиса и развития феодального общества.* Москва; Ленинград: ОГИЗ, 1934. (ИГАИМК. Вып. 103). С. 102–129.
- Равдоникас, Владислав Иосифович. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) Ч. I // *Советская археология.* 1949. XI. С. 5–54.
- Равдоникас, Владислав Иосифович. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) Ч. II // *СА.* 1950. XII. С. 7–40.
- Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Под ред. Макарова, Николая Андреевича. Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. 496 с.
- Рябинин, Евгений Александрович. Раскопки Любшанского городища в Нижнем Поволжье (предварительные результаты археологических исследований) // *Культура, образование, история Ленинградской области: Тезисы научно-практической конференции.* Санкт-Петербург: ИПК «Вести», 2002. С. 53–58.
- Рябинин, Евгений Александрович; Дубаишинский, Антон Владимирович. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2002. С. 196–203.
- Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов МНК / Под ред. Макарова, Николая Андреевича. Вологда, 2012.
- Седов, Валентин Васильевич. Изборск в раннем Средневековье. Москва: Наука, 2007. 424 с.
- Сениченкова, Татьяна Борисовна. Керамика Любшанского городища // *Acta Archaeologica Albaugthenica.* Vol. VI. Минск, 2010. С. 68–96.
- Тихомиров, Михаил Николаевич. Древнерусские города. Изд. 2. Москва: Госполитиздат, 1956. 475 с.
- Томсинский, Сергей Владимирович. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // *Stratum plus.* 2014. № 5. С. 357–370.
- Франклин, Симон; Шепард, Джонатан. Начало Руси. 750–1200 / Пер. с англ. Д. М. Буланина и Н. Л. Лужецкой). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. 622 с.
- Фроянов, Игорь Яковлевич. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1980. 256 с.
- Фроянов, Игорь Яковлевич. Мятный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1992. 281 с.
- Фроянов, Игорь Яковлевич; Дворниченко, Андрей Юрьевич. Города-государства Древней Руси. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1988. 269 с.
- Фроянов, Игорь Яковлевич; Михайлова, Ирина Борисовна. Город или протогород? (Об одной надуманной исторической категории) // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 1999. С. 228–236.
- Шнеевайс, Йенс. Раннесредневековые городища северной Германии // *Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* Санкт-Петербург: Издательский дом «Бранко», 2017. С. 198–224.
- Шорохов, Владимир Андреевич. Предпосылки развития восточноевропейской работорговли в IX – первой половине X в. (по данным восточных источников) // *Матвей Кузьмич Любавский: К 150-летию ученого.* Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 195–205.
- Штыхов, Георгий Васильевич. Древний Полоцк IX–X вв. Минск: Наука и техника, 1975. 136 с.
- Юшков, Серафим Владимирович. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1939. 256 с.
- Arne, Ture Johnsson. La Suède et l’Orient: études archéologiques sur les relations de la Suède et de l’Orient pendant l’âge des Vikings. Uppsala, 1914. (Archives d’études orientales. Vol. 8). 240 p. (in French)
- Clarke, Helene; Ambrosiani, Bjorn. Towns in the Viking Age. Leicester; London: Leicester University Press, 1991. 207 p.

- Duczko, Wladyslaw.* Viking Rus': studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden; Boston: Brill, 2004. (The Northern World. Vol. 12). 290 p.
- Jankuhn, Herbert.* Typen und Funktionen vor- und frühwilderzeitlicher Handelsplätze im Ostseebereich. Wien, 1971.
- Jones, Gwyn.* History of the Vikings. Oxford: Oxford University Press, 1968. 552 p.
- Platonova, Nadezhda.* Problems of early medieval Slavonic Archaeology in Russia (a view from St.-Petersburg) // Post-Classical Archaeologies. 2016. Vol. 6. P. 333–416.
- Raudonikas, Wladyslaw J.* Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930. (Vithetsakademiens Handlingar. T. 43. No 3). 151 s.
- Reynolds, Susan.* Introduction to the History of English Medieval Towns. Oxford: Oxford University Press, 1977. XIV+234 p.
- Ryabinin, Evgeniy; Galibin, Valentin.* New Data about the Early bead Making in Ladoga // Glass Beards. Cultural History. Technology. Proceeding of the Nordic Glass bead Seminar 16–18 October 1992. Lejre. Studies in Technology and Culture. Vol. 2. Lejre: Historical Archaeological Experimental Centre. 1995. P. 109–112.
- Svenska vikingakolonier i Ryssland // Arne T. J. Det stora Svitjod: essayer om gångna tiders svensk-ryska kulturförbindelser. Stockholm: Geber, 1917. P. 37–63.

Information about the article

The research was supported as part of the RFBR project No. 18-09-40111 (“Antiquities”) “Sociocultural transformations in Eastern Europe and the formation of Russia: new materials, interpretations, generalizations”.

Author: Platonova, Nadezhda Igorevna — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-1432-720X>, ScopusID: 56511560400, SPIN-code 7744-3372, e-mail: niplaton@gmail.com

Title: The problem of urbanization in Northern Rus'

Abstract: In the 1990s the idea that proximity to trade routes was the main driving force of the process of urbanization of early medieval Rus' again became dominant in Russia. But speaking of “trade,” as applied to the Viking Age, it is easy to fall into modernization. There was no “free trade” then. In order not to be sold into slavery, the merchant had to be protected by a society with authority in international affairs. It is from this perspective that one should consider the evidence of craft and trade preserved in the layers of early urban settlements. The combination of administrative-organizational and trade-craft factors in their functional spectrum is a key problem to be developed. An important aspect of the problem of urbanization is the study of the socio-cultural and economic base on which cities grew. The process of formation of Slavic central places in the Northwest Russia, which began in the 7th – 8th centuries, was interrupted during the Viking Age. The first “proto-cities” usually appeared in new places. Even where the continuity between the “hillfort” and the “city” was really revealed, the guarantee of this was either a socio-political cataclysm, or the inclusion of this item in the zone of new influence. In itself, the development of local centers can't be identified with urbanization. The latter meant a radical change in the structure of archaic East European societies. The beginning of movement along the military trade routes, the arrival of Arab silver to the north opened up unprecedented prospects for the implementation of the tributes and products of trade exchange collected in the north. It was then that the first “proto-cities” emerged. The materials of the earliest Ladoga indicate that the beginning of the mass marketing of craft products to the rural population occurred already at the late 8th – early 9th centuries. For example, the production of glass according to the Eastern recipe was established there for the subsequent production of beads, which were the currency in the purchase of furs. This meant that by the end of the 8th century a fairly stable supply of the necessary components of the technological process from the Middle East was established. This did not testify to individual “trade”, but to the purposeful exploitation of the adjacent territories. One can interpret such kind of central places as administrative and organizational centers of a new type. They should not be confused with either “cities” or “rural places”: this is a special phenomenon in the social culture of Early Middle Ages. Its appearance was impossible without breaking the previous hierarchy of values, authorities, sacred ties. So one shouldn't be surprised that “smooth continuity” of old and new centers is not observed. Not tribes and ethnic composition but, first of all, social roles were changed (although an influx of paramilitary contingent from the north actu-

ally took place). Proto-cities became the epicenters of the formation of new elite and new, Old Rus' cultural traditions, which then quickly spread to the rural area.

Keywords: Early Middle Ages, Northern Rus', urbanization, basic concepts, archaeological data, proto-cities, administrative centers

References:

- Anikovich, Mikhail Vasilyevich. V. Principy arheologii i osnovnye obobshchayushchie ponyatiya: «arheologicheskaya epoha», «arheologicheskaya kul'tura», «tekhno kompleks», «istoriko-kul'turnaya oblast'» [The principles of archeology and basic general concepts: “archaeological era”, “archaeological culture”, “techno-complex”, “historical and cultural area”], in *Stratum plus*. 2003–2004. № 1. Pp. 487–505. (in Russian).
- Arne, Ture. *La Suède et l'Orient: études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings* [Sweden and the East: archaeological studies on the relations of Sweden and the East during the Viking Age]. Uppsala, 1914 (Archives d'études orientales. Vol. 8). 240 p. (in French)
- Artamonov, Mikhail Illarionovich. I. Pervyye stranitsy russkoy istorii v arkheologicheskom osveshchenii [The first pages of Russian history in archaeological coverage], in *Sovetskaya Arkheologia*. 1990. № 3. Pp. 271–290. (in Russian).
- Avdusin, Daniil Antonovich. Proiskhozhdenie drevnerusskikh gorodov (po arheologicheskim dannym) [The origin of the ancient Rus' towns (according to archaeological data)], in *Voprosy istorii*. 1980. No. 12. Pp. 24–42. (in Russian).
- Boguslavskiy, Oleg Igorevich. Kompleks pamyatnikov u d. Gorodishche na r. Syas (po rezultatam raskopok 1987–1999 gg.) [The complex of monuments near the village of Gorodishche on the river Syas' (based on the results of excavations from 1987–1999)], in *Stratum plus*. 2003–2004. № 5. Pp. 171–243. (in Russian).
- Bulkin, Vasily Aleksandrovich, Lebedev, Gleb Sergeevich. Gnezdovo i Birka (K probleme stanovleniya goroda) [Gnezdovo and Birka (On the problem of the formation of the city)], in *Kul'tura srednevekovoy Rusi*. Leningrad: Nauka Publ., 1974. Pp. 11–17. (in Russian).
- Bulkin, Vasily Aleksandrovich; Dubov, Igor Vasolevich; Lebedev, Gleb Sergeevich. *Arheologicheskie pamyatniki Drevney Rusi IX–XI vv.* [Archaeological sites of Ancient Rus' of the IX–XI centuries] Leningrad: Leningrad State University Press, 1978. 150 p. (in Russian).
- Clarke, Helene; Ambrosiani, Bjorn. *Towns in the Viking Age*. Leicester and London: Leicester University Press, 1991. 207 p.
- Duczko, Wladislaw. *Viking Rus': studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe*. Leiden; Boston: Brill, 2004. 290 p.
- Eremeev, Ivan Igorevich. *Drevnosti Polockoy zemli v istoricheskom izuchenii Vostochno-Baltiyskogo regiona* (ocherki srednevekovoy arheologii i istorii Pskovsko-Belorusskogo Podvin'ya) [Antiquities of Polotsk land in the historical study of the East Baltic region (essays on medieval archeology and the history of the Pskov – Belorussian Dvina)]. St Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2015. 696 p. (in Russian).
- Eremeev, Ivan Igorevich; Dzyuba, Olga Feodorovna. *Ocherki istoricheskoy geografii lesnoj chasti Puti iz Varyag v Greki*. Arheologicheskie i paleogeograficheskie issledovaniya mezhdru Zapadnoj Dvinoj i oz. Il'men' [Essays on the historical geography of the forest part of the Way from the Varangians to the Greeks. Archaeological and paleogeographic studies between Western Dvina and Ilmen lake]. St Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2010. 670 p. (in Russian).
- Franklin, Simon; Shepard, Dzhonatan. *Nachalo Rusi. 750–1200* [The beginning of Rus'. 750–1200 A.D.] (transl. by D.M. Bulanin and N.L. Luzheckaya). St Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2000. 622 p. (in Russian).
- Froyanov, Igor Iakovlevich. *Kievskaya Rus'*. Ocherki social'no-politicheskoy istorii. [Kievan Rus. Essays on socio-political history]. Leningrad: Leningrad State University Press, 1980. 256 p. (in Russian).
- Froyanov, Igor Iakovlevich; Dvornichenko, Andrey Iurievich. *Goroda-gosudarstva Drevney Rusi* [Towns – states of Ancient Rus']. Leningrad: Leningrad State University Press, 1988. 269 p. (in Russian).
- Froyanov, Igor Iakovlevich; Mihaylova, Irina Borisovna. Gorod ili protogorod? (ob odnoj nadumanoj istoricheskoy kategorii) [Town or proto-town? (about one far-fetched historical category)], in *Ran-srednevekovyye drevnosti Severnoy Rusi i ee sosedy*. St Petersburg: Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences Press, 1999. Pp. 228–236. (in Russian).
- Golovnyov, Andrey Vladimirovich. Kul'tury bol'shikh prostranstv Severnoy Evrazii [Cultures of large spaces of Northern Eurasia], in *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2009. T. V. Vol. 1. No. 25. Pp. 317–321. (in Russian).

- Goryunova, Valentina Mikhajlovna. *Gorodok na Lovati X–XII vv.* (K probleme stanovleniya goroda Severnoy Rusi) [*The settlement Gorodok on Lovat' of the X–XII centuries* (To the problem of the formation of towns in Northern Rus')]. St Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2016. 352 p. (in Russian).
- Grekov, Boris Dmitriyevich. *Kievskaya Rus'* [*Kievan Rus*]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1953. 569 p. (in Russian).
- Grigoryev, Aleksandr Vadimovich. *Severskaya zemlya v VIII – nachale XI veka po arheologicheskim danym* [*Seversky land in the VIII – early XI century according to archaeological data*]. Tula: Grif i K° Publ., 2000. 263 p. (in Russian).
- Islanova, Inna Vasilievna. Rannesrednevekove gruppy pamyatnikov na Severo–Zapade Vostochnoj Evropy [Early Medieval Monument Groups in the Northwest of Eastern Europe], in *Rannesrednevekove drevnosti lesnoj zony Vostochnoj Evropy (V–VII vv.)*. Moscow, 2016. Pp. 136–220. (in Russian).
- Jankuhn, Herbert. *Typen und Funktionen vor und frühwildgerzeitlicher Handelsplätze im Ostseegebiet* [Types and functions before and early wild trading places in the Baltic Sea area]. Wien, 1971. (in German).
- Jones, Gwyn. *History of the Vikings*. Oxford: Oxford University Press, 1968. 552 p.
- Kirpichnikov, Anatoliy Nikolaevich; Kurbatov Aleksandr Valentinovich. Novye dannye o proiskhozhdenii Ladozhskogo poseleniya i poyavlenii slavyan v Povolhov'e [New data on the origin of the Ladoga settlement and the appearance of the Slavs in the Volhov region], in *Stratum Plus*. 2014. № 5. Pp. 129–136. (in Russian).
- Komar, Alexey Viktorovich. Kiyev i Pravoberezhnoye Podneprovye [Kiev and the Right-Bank Dnieper], in *Rus v IX–X vekakh: arheologicheskaya panorama*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2012. Pp. 300–333. (in Russian).
- Kuleshov, Viacheslav Sergeevich. Denezhnoe obrashchenie Novotroitskoj obshchiny romencev: komplekсы, kategorii i vesovye normy [Money circulation of the Novotroitsk community of Romenskaya culture: complexes, categories and weight standards], in *Slavyane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva*. St Petersburg: SOLO Publ., 2012. Pp. 65–70. (in Russian).
- Kurbatov, Aleksandr Valentinovich. Remeslo rannesrednevekovej Ladogi [Craft of an early medieval Ladoga], in *Novoe v arheologii Staroj Ladogi: materialy i issledovaniya*. St Petersburg: Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2018. Pp. 235–282. (in Russian).
- Kuza, Andrey Vasilievich. *Malye goroda Drevney Rusi* [*Small towns of Old Rus*]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 168 p. (in Russian).
- Kuz'min, Sergey Leonodovich. Ladoga v epohu rannego srednevekov'ya (seredina VIII – nachalo XII v.) [Ladoga in the early Middle Ages (mid 8th – early 12th centuries)], in *Issledovanie arheologicheskikh pamyatnikov epohi srednevekoviya*. St Petersburg, 2008. Pp. 69–94. (in Russian).
- Lopatin, Nikolay Vladimirovich. O drevnostyah III–V vv. n. e. na yuge Pskovskoy oblasti [About antiquities of the 3rd – 5th centuries A.D. in the south of the Pskov region], in *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Materialy 54 zasedaniya*. Pskov: Institut of Archeology of Russian Academy of Sciences Press, 2009. Pp. 209–218. (in Russian).
- Lopatin, Nikolay Vladimirovich; Furasyev, Alexey Gennadievich. *Severnye rubezhi ranneslavjanskogo mira v III–V vv. n.e.* [*Northern borders of the early Slavic world in the 3rd – 5th centuries A.D.*]. Moscow: Institute of archeology of Russian Academy of Sciences Press, 2007. 252 p. (in Russian).
- Makarov, Nikolay Andreevich. Arkheologicheskiye drevnosti kak istochnik znaniy o ranney Rusi [Archaeological antiquities as a source of knowledge about early Rus'], in *Rus' v IX–X vekakh: arheologicheskaya panorama*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2012. Pp. 64–90. (in Russian).
- Mel'nikova, Elena Aleksandrovna; Petruhin, Vladimir Yakovlevich. Formirovanie seti rannegorodskih centrov i stanovlenie gosudarstva (Drevnyaya Rus' i Skandinaviya) [Formation of a network of early urban centers and the formation of the state (Ancient Rus' and Scandinavia)], in *Istoriya SSSR*. 1986. № 5. Pp. 63–77. (in Russian).
- Mikhaylov, Kirill Alexeevich. Sravnitel'naya topografiya pervykh drevnerusskikh gorodskikh tsetrov IX–X vv. (k yubileyu odnoy statyi) [Comparative topography of the first Old Rus' urban centers of the 9th – 10th centuries (on the anniversary of one article)], in *Severnaya Rus i problemy formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Sbornik materialov MNK*. Vologda, 2012. Pp. 5–20. (in Russian).
- Milyaev, Pavel Andereevich. Izdeliya severoevropejskogo oblika v material'noj kul'ture gorodishcha Lyubsha IX – nachala X v. (predvaritel'noe soobshchenie) [The artefacts of North European origin in the material culture of the Lyubsha hill-fort of the 9th – early 10th century (preliminary message)], in *Élite ou Égalité:*

- Severnaya Rus' i kul'turnye transformatsii v Evrope VII–XII vv. St Petersburg: Publishing House Branko, 2017. Pp. 225–244. (in Russian).
- Murashyova, Veronika Vladislavovna; Malysheva, Nadezhda Nikolaevna; Frenkel' Iakov Viktorovich. Issledovaniya pribrezhnoj territorii ozera Bezdonka na pojmennoj chasti poseleniya Gnyozdovskogo arheologicheskogo kompleksa [Studies of the coastal territory of Bezdonka Lake on the floodplain of the settlement of the Gnezdovo archaeological complex], in *Gnyozdovskiy arheologicheskij kompleks. Materialy i issledovaniya*. Moscow, 2018. Pp. 286–339. (in Russian).
- Nosov, Eugeny Nikolaevich. Problemy proiskhozhdeniya pervyh gorodov Severnoj Rusi [The problems of the origin of the first cities of Northern Rus'], in *Drevnosti Severo-Zapada Rossii (slavyano-finno-ugorskoe vzaimodejstvie, russkie goroda Baltiki)*. St Petersburg: Centr «Peterburgskoe vostokovedenie» Press, 1993. Pp. 59–78. (in Russian).
- Nosov, Eugeny Nikolaevich; Goryunova Valentina Mikhajlovna; Plovov, Alexey Viacheslavovich. *Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya Severnogo Priil'menya* (novye materialy i issledovaniya) [The hill-fort near Novgorod and the settlements of Northern coast of Ilmen' lake (new materials and research)]. St Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2005. 403 p. (in Russian).
- Nosov, Eugeny Nikolaevich; Plovov, Alexey Viacheslavovich; Khvoshchinskaya, Nataliya Vadimovna. *Ryurikovo gorodishche*. Novye etapy issledovaniy [Rurikovo hill-fort. New stages of research]. St Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2017. 288 pp. (in Russian).
- Nosov, Eugeny Nikolaevich. Akademik Boris Dmitrievich Grekov — issledovatel'—istochnikoved [Academician Boris Dmitrievich Grekov — source researcher], in *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. T. XV. Leningrad: Nauka Publ., 1983. Pp. 3–30. (in Russian).
- Oblomskiy, Andrey Mikhaylovich. Kolochinskaya kul'tura [Kolochin culture], in *Rannesrednevekoveye drevnosti lesnoj zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.)*. Moscow, 2016. Pp. 10–113. (in Russian).
- Petruhin, Vladimir Iakovlevich; Pushkina, Tamara Anatolyevna. K predystorii drevnerusskogo goroda [To the background of the old Rus' town], in *Istoriya SSSR*. 1979. № 4. Pp. 100–112. (in Russian).
- Platonova, Nadezhda Igorevna. Drevnerusskaya kul'tura i drevnerusskaya elita na sovremennom etape issledovaniy [Old Rus' culture and the old Rus' elite at the present stage of research], in *Élite ou Égalité: Severnaya Rus' i kul'turnye transformatsii v Evrope VII–XII vv.* St Petersburg: Izd. dom Branko Publ., 2017. Pp. 9–29. (in Russian).
- Platonova, Nadezhda Igorevna. Problems of early medieval Slavonic Archaeology in Russia (a view from St.–Petersburg)? in *Post-Classical Archaeologies*. 2016. Vol. 6. Pp. 333–416.
- Plovov, Alexey Viacheslavovich. K probleme poyavleniya slavyan v Priil'men'e [To the problem of the appearance of the Slavs in the Ilmen' coastal territory], in *Ladoga i religioznoe soznanie*. St Petersburg, 1997. Pp. 105–107. (in Russian).
- Ravdonikas, Vladislav Iosifovich. *Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet*. [The Normans of the Viking Age and the Ladoga area]. Stockholm, 1930. 151 s. (in German).
- Ravdonikas, Vladislav Iosifovich. Staraya Ladoga (iz itogov arheologicheskikh issledovaniy 1938–1947 gg.) [Staraya Ladoga (from the results of archaeological research 1938–1947)] Part I, in *Sovetskaia Archeologiya*. 1949. XI. Pp. 5–54. (in Russian).
- Reynolds, Susan. *Introduction to the History of English Medieval Towns*. Oxford: Oxford University Press, 1977. XIV+234 p.
- Ryabinin, Eugeny; Galibin, Valentin. New Data about the Early bead Making in Ladoga. In *Glass Beards. Cultural History. Technology. Proceeding of the Nordic Glass bead Seminar 16–18 October 1992*. Lejre. Studies in Technology and Culture. Vol. 2. Lejre: Historical Archaeological Experimental Centre. 1995. Pp. 109–112.
- Ryabinin, Eugeny Aleksandrovich. Raskopki Lyubshanskogo gorodishcha v Nizhnem Povolhov'e (predvaritel'nye rezul'taty arheologicheskikh issledovaniy) [Excavations of Lyubsha hill-fort in the Lower Volkhov (preliminary results of archaeological research)], in *Kul'tura, obrazovanie, istoriya Leningradskoj oblasti*. Tezisy nauchno-prakticheskoy konferencii. St Petersburg: Vesti Press, 2002. Pp. 53–58. (in Russian).
- Ryabinin, Eugeny Aleksandrovich; Dubashinskij, Anton Vladimirovich. Lyubshanskoe gorodishche v Nizhnem Povolhov'e (predvaritel'noe soobshchenie) [Lyubsha hillfort in the Lower Volkhov (preliminary communication)], in *Ladoga i ee sosedi v epohu srednevekovya*. St Petersburg: Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences Press, 2002. Pp. 196–203. (in Russian).
- Sedov, Valentin Vasilievich. *Izboresk v rannem Srednevekove* [Izboresk in the early Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 2007. 424 pp. (in Russian).

Senichenkova, Tatyana Borisovna. Keramika Lyubshanskogo gorodishcha [Ceramic pottery of Lubsha hill-fort], in *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Vol. VI. Minsk, 2010. Pp. 68–96. (in Russian).

Shneevajs, Jens. Rannesrednevekove gorodishcha severnoj Germanii [Early medieval hill-forts of northern Germany], in *Élite ou Égalité: Severnaya Rus' i kul'turnye transformacii v Evrope VII–XII vv.* St Petersburg: Publ. house Branko, 2017. Pp. 198–224. (in Russian).

Shorohov, Vladimir Andreevich. Predposylki razvitiya vostochnoevropskoj rabotorgovli v IX – pervoy polovine X v. (po dannym vostochnyh istochnikov) [Prerequisites for the development of the East European slave trade in the 9th – first half of the 10th century (according to Eastern sources)], in *Matvey Kuz'mich Lyubavskiy: K 150-letiyu uchenogo*. St Petersburg: St Petersburg State University Press, 2013. Pp.195–205. (in Russian).

Shtykhov, Georgiy Vasilyevich. *Drevniy Polock IX–X vv.* [*Ancient Polotsk of the 9th – 10th centuries*]. Minsk: Nauka i tekhnika Publ., 1975. 136 p. (in Russian).

Tihomirov, Mikhail Nikolaevich. *Drevnerusskie goroda* [*Old Russian towns*]. Ed. 2. Moscow: Gospolizdat Publ., 1956. 475 p. (in Russian).

Tomsinskiy, Sergey Vladimirovich. Leningradskiy neonormanizm: istoki i itogi [Leningrad neonormanism: sources and results], in *Stratum plus*. 2014. № 5. Pp. 357–370. (in Russian).